

выстроил четкой теоретической системы [1, с. 327]. Однако тотализации в научной и прочих областях мысли как раз являлись тем, что столь сильно подвергалось его критике, и тем, чего сам он всегда избегал. Помимо всех возможных печальных для общества последствий, к которым тотализации могут привести, они также еще и очень ограничены по своим возможностям и (в данном случае) очень обязывают «теоретически». Отказ от тотализаций позволяет указать на многие острые проблемы, которые просто не могли быть сформулированы в противном случае. Формулировать проблемы и вопрошать о них, даже понимая, что в данный момент и при данных средствах изменить радикально ничего не получится, — это тоже часть этики. Это и есть свободная речь. Это то, что я могу сделать, и с чем, возможно, придется считаться; это речь со своей позиции, с позиции, ограниченной собственным пространством, где я могу задавать вопросы, требовать, не принимать того, что есть. Это свобода, которая может существовать только потому, что существуют пределы и подлинная неизвестность, отделяемая этими пределами от того, что уже нам дано.

Литература

1. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления интервью: в 3 ч. / пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визигина и Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. Ч. 1.
2. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996.
3. Фуко М. Использование удовольствий: история сексуальности. СПб.: Акад. проект, 2004. Т. 2.
4. Fillion R. Freedom, Truth, and Possibility in Foucault's Ethics // Foucault Studies. 2005. No 3. P. 50–64.
5. Foucault M. Ethics: Subjectivity and Truth. The Essential Works of Michel Foucault 1954 – 1984. P. Rabinow ed. trans. Robert Hurley and others. N.Y.: The New Press, 1997.
6. Foucault M. Fearless Speech. P. Rabinow ed. Los Angeles: Semiotext (E), 2001.
7. Foucault M., The Foucault reader. P. Rabinow ed. Harmondsworth: Pelican, 1986.

* * *

1. Fuko M. Intellektualy i vlast: izbrannyye politicheskie stati, vystupleniya intervyyu: v 3 ch. / per. s fr. S.Ch. Ofertasa; pod obsch. red. V.P. Vizigina i B.M. Skuratova. M.: Praksis, 2002. Ch. 1.

2. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti. Raboty raznykh let / per. s fr. M.: Kastal, 1996.

3. Fuko M. Ispolzovanie udovolstviy: Istoriya seksualnosti. SPb.: Akad. projekt, 2004. T. 2.

4. Fillion R. Freedom, Truth, and Possibility in Foucault's Ethics // Foucault Studies. 2005. No 3. P. 50–64.

5. Foucault M. Ethics: Subjectivity and Truth. The Essential Works of Michel Foucault 1954 – 1984. P. Rabinow ed. trans. Robert Hurley and others. N.Y.: The New Press, 1997.

6. Foucault M. Fearless Speech. P. Rabinow ed. Los Angeles: Semiotext (E), 2001.

7. Foucault M., The Foucault reader. P. Rabinow ed. Harmondsworth: Pelican, 1986.

Ethnic views of Michel Foucault

There is made the attempt to reconstruct the ethnic views of Michel Foucault (1926 – 1924). As the basis of ethics the philosopher puts forward the ethos which is understood as the special way of existence that presupposes constant reflection of each situation and the attitude to it, as well as the refusal to build universal theories of principled devotion of the position that was once chosen.

Key words: *ethics, freedom, ethos, power, theory, practice.*

(Статья поступила в редакцию 31.03.2014)

М.В. КОЗЛОВА
(Москва)

ИНЭСТЕТИКА АЛЕНА БАДЬЮ: ИСКУССТВО (ПОЭМА) КАК УСЛОВИЕ ФИЛОСОФИИ

Характеризуется взаимоотношение искусства и истины в философии А. Бадью, который понимает философию как дискурсивную практику, определенную нефилософскими истинами, рожденными в том числе в науке и искусстве, и приравнивает онтологию к математике, утверждая, что аксиоматический язык математики является дискурсом о бытии.

Ключевые слова: *поэма, матема, онтология, язык, инэстетика, истина.*

«Матема» и «поэма» как условия философии. Аллен Бадью, один из ведущих современных французских философов, известен, прежде всего, благодаря «возобновлению Платонова жеста» в философии, т. е. попытке вер-

нуться к вопросу об истине, предпринятой им в книге «Бытие и событие» (1988). Бадью выступает против тезиса о конце философии и строит собственную онтологию, нацеленную на оздоровление философии при помощи математики: «в той мере, в которой бытие qua бытие, это не что иное, как чистое множество, допустимо говорить о том, что онтология, наука о бытии qua бытии, это не что иное, как сама математика» [6, с. XIII]. Бадью вслед за Хайдеггером утверждает, что вопрос онтологии – это вопрос о бытии, которое не есть (ничто из сущего). Однако, согласно Бадью, ответ на этот вопрос дает не философия, а математика, единственный дискурс, располагающий средствами для того, чтобы описать бытие как таковое при помощи аксиом теории множеств.

Философская концепция Бадью основана на том предположении, что для существования философии необходимы определенные условия, т. е. «истинностные», или «родовые», процедуры, с которыми соотносится философская мысль. К этим условиям Бадью относит математику (наука), поэму (искусство), политику и любовь [2, с. 16]. Истина находится вне философии, она рождается в рамках вышеуказанных процедур, и задача философии состоит в том, чтобы создать концептуальное пространство для сосуществования четырех вышеуказанных истин. Свой философский проект Бадью, ученик Альтюссера, называет «материалистической диалектикой». Во второй книге «Бытия и события», вышедшей в 2006 г. под названием «Логика миров», Бадью формулирует основное положение своей философии следующим образом: «Существуют только тела и языки, а кроме того еще существуют истины» [8, с. 4]. Иными словами, Бадью утверждает примат практики над теорией и отрицает безусловность философского дискурса, претендующего на владение абсолютной истиной. При этом Бадью отрицает и постмодернистский тезис об отсутствии истин. Философия, согласно Бадью, – это дискурс, обусловленный нефилософскими истинами.

Кризис философии начинается тогда, когда, вместо того чтобы предоставлять мыслительное пространство для возможности четырех родовых процедур, философия передает свои функции одному из своих условий. Такую ситуацию Бадью именуется «швом». Девятнадцатый век находился во власти позитивистского «шва», т. е. философия доверила свои функции науке, и этот шов до сих пор сохраняется в аналитической традиции философии. После Гегеля функцию философии взяла на

себя поэзия, и начался «век поэтов» – так Бадью называет время от Гёльдерлина до Целана, «когда стихотворение раскрыло и удержало поколебленный смысл этого времени, форму самого открытого доступа к вопросу о бытии» [2, с. 45].

Бадью полагает, что «век поэтов» закончился и что философии нужно обратиться к поэзии как одному из своих условий, но не следует сводить философию к поэзии. Выразителем тенденции к «потере направления» в философии выступает Хайдеггер, который, согласно Бадью, учреждает «поэтическую» онтологию, занимаясь поисками бытия в измерении поэтического языка.

Бадью согласен с тем, что «поэтическая» онтология не является, в строгом смысле слова, открытием Хайдеггера, т. е. ее исток можно найти еще в философии досократиков. Поэтическая онтология, по Бадью, – это онтология присутствия, мыслящая бытие как событие дарения и раскрытия того, что сокрыто. Раскрытие бытия Хайдеггер ищет в поэтическом языке, наделяя слово онтологическим статусом (поэтическое слово – это слово самого бытия). Однако, как отмечает Бадью, такому представлению о бытии можно противопоставить платоническую «математу», философский дискурс, отделяющий бытие (Идею) от всего присутствующего. Бытие – это анти-феномен, оно не налично, не поддается представлению и не собирается в логосе.

Бадью задается вопросом о том, возможно ли говорить о «неразличимом», т. е. о бытии, которое себя не предъявляет. Одним из ответов на этот вопрос является максима Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [4, с. 218]. Однако Бадью находит этот ответ софистическим и предлагает заняться поисками такого языка, который предоставил бы нам доступ к бытию, минуя метафору, но и не впадая в ошибку понятия, т. е. не пытаясь определить бытие, которое, согласно Бадью, не имеет структуры и, следовательно, не может схватываться в определении. Философ полагает, что таким возможным подходом к бытию является аксиоматический язык математики (теории множеств). Аксиоматика теории множеств устанавливает правила манипуляции неопределенными терминами, иными словами, аксиомы теории множеств опознают неконсистентные множества, не превращая их в единое, т. е. не давая определения множества. Таким образом, Бадью ставит знак равенства между онтологией и математикой, которая имеет доступ к бы-

тию, т. к. она оказывается «бесконечной записью чистой множественности, множественности без предиката, в пустую мощь буквы» [2, с. 79]. Сказанное вовсе не означает, что бытие – это бытие математических объектов. Согласно Бадью, математических объектов не существует, «бесконечная запись» математики – это лишь способ формального дискурса о бытии: «Язык, наконец, аннулирует всякую поэму, будет во власти того, что Фреге называл идеографией. Испытанию присутствия целое противопоставит строгость вычитаемого, в котором бытие объявляется не-предполагаемым в качестве какого-либо присутствия или опыта» [1, с. 6]. Ситуацией, которая может дать нам доступ к бытию, является онтология, «вписанная в формальную идеографию теории множеств» [3, с. 72]. «Пустая мощь буквы» отсылает нас за пределы языка, «буква» математики не имеет ни значения, ни смысла, ни референта в мире объектов. Математическая «буква» является знаком не наличия, но отсутствия (объекта и объективности) [9, с. 89]. Таким образом, аксиоматический язык теории множеств оказывается способным к тому, чтобы выговорить истину онтологии, записав бытие, как чистое множество.

Бадью отдает явное предпочтение математике как процедуре производства истин и утверждает, что «век поэтов» закончился. Однако конец «века поэтов» не означает конца искусства (поэмы) как процедуры производства истины. Искусство (поэма) так же, как и наука (матема), имеет дело с истиной и является условием философии. Различие между поэмой и математикой, на наш взгляд, состоит в том, что математика приравнивается к онтологии, т. е. оказывается определяющим условием для философии Бадью. Поэма, являясь истинностной процедурой, производит те истины, которые согласуются с математической онтологией Бадью.

Язык искусства, как и язык математики, артикулирует истину. Отличие состоит в том, что язык математики делает это формально, при помощи аксиом теории множеств. Поэтический язык способен выговорить истину потому, что это особенный языковой опыт – доведение языка до собственного предела. В поэзии модернизма, как утверждает Бадью, язык стремится к тому, чтобы дать имя неизменному, т. е. поименовать бытие, которое себя не показывает. Поэтический опыт оказывается опытом отстранения категории объекта и субъекта, т. к. поэтическая реальность не имеет ни автора, ни референта: «стихотворение оказывается истинным только тогда, когда вы-

сказываемое им не проходит ни по ведомству объективности, ни по ведомству субъективности» [2, с. 47]. Бадью рассматривает поэзию как операцию, т. е. процесс производства истины без объекта, а не как создание поэтических произведений, наделенных смыслом. Поэтическая истина, согласно Бадью, представляет собой не истину о чем-то (знание), но пробоину в знании, указывающую на бытие, как чистую множественность*.

Искусство и истина в инэстетике Бадью. Свою эстетическую программу Бадью называет «инэстетикой» и противопоставляет ее трем схемам взаимоотношений искусства и истины в истории эстетики: дидактической, романтической и классической [7, с. 2–3].

Дидактическая схема предполагает, что истина является чем-то внешним по отношению к искусству. Бадью приводит в пример Платона, изгнавшего поэта из своего идеального государства. Такое пренебрежение Платона к поэзии основано на критике мимесиса, причем, согласно Бадью, речь идет не столько о том, что искусство подражает вещам, создавая их копии, сколько о том, что искусство имитирует истину. Искусство оказывается очарованием правдоподобия, а не местом раскрытия истины, и поэтому оно нуждается в контроле со стороны философии.

Романтическая схема, в понимании Бадью, основана на утверждении о том, что только искусство способно к истине. Более того, искусство только тогда и является искусством, когда оно имеет дело с истиной, т. е. с явлением бесконечной идеи в форме конечного произведения. Такое положение дел Лаку-Лабарт и Нанси называют литературным абсолютом: «Романтическая мысль включает в себя не только абсолюте литературы, но литературу, как абсолюте. Романтизм – это инаугурация литературного абсолюта» [10, с. 12]. Искусство романтизма становится абсолютным, воплощенным субъектом истины, в терминологии Бадью, и только этот абсолютный субъект берет на себя функцию философии.

Классическая схема сформулирована в философии Аристотеля. Эта схема предполагает, что искусство не способно к истине, т. к. оно есть лишь область видимого, сфера мимесиса. Однако, в отличие от дидактической, классическая схема отводит искусству

*Имеется в виду бытие, которое на аксиоматическом языке математики описывается как неконсистентное множество, т. е. такое множество, которое не структурировано, не имеет элементов и не артикулировано.

особое место, утверждая, что истина и не является целью искусства, и функция искусства изначально не гносеологическая, а терапевтическая. Искусство невинно, т. к. оно никогда не стремится к тому, чтобы раскрывать истину, а то, к чему стремится искусство, Аристотель называет «катарсисом», понимаемым Бадью как излечение аффектов души. Таким образом, классическая схема относит искусство к области этики, а не онтологии.

Вышеуказанные схемы взаимоотношений философии и искусства находят свое отражение в трех основных философских направлениях XX в.: дидактическая схема воплощается в марксизме, психоанализ представляет собой классическую, а герменевтика Хайдеггера – романтическую схемы. Бадью утверждает, что все три схемы исчерпали себя и современность нуждается в новом оформлении отношений между искусством и философией, основанном на переосмыслении взаимоотношения истины и искусства.

Согласно Бадью, истина искусства отныне должна пониматься как сингулярность, имманентная произведениям искусства. Иными словами, искусство является процессом производства истины, причем истина искусства отлична от любых других истин – политических, математических или любовных [7, с. 9]. Бадью вслед за Делезом утверждает, что искусство – это сингулярный режим мысли, не сводимой к философии [11, с. 197]. Истина, по Бадью, бесконечна (бесконечное множество), искусство же связано с конечностью, более того, согласно Бадью, произведение искусства – это единственная конечная вещь [5, с. 157].

Связь между конечностью произведения искусства и бесконечностью истины следует искать не в единичном произведении, но в истинностной процедуре, включающей в себя множество произведений искусства. Основным критерием для определения того, что такое произведение искусства, оказывается принцип новизны, т. к. истина, как указывалось выше, это всегда то, чего не было прежде. В конечном счете истину искусства следует определять не в терминах произведения или гения, но как «художественную конфигурацию». Под «художественной конфигурацией» Бадью понимает нечто не совсем определенное, не сводимое ни к периодизации истории искусств, ни к открытию новых форм или жанров: «...конфигурация не является ни формой искусства, ни жанром или “объективным” периодом в истории искусства, ни “технической” характеристикой» [7, с. 13]. Мы мо-

жем предположить, что понятие художественной конфигурации относится к тому новому, что истина вносит в искусство и что не ограничивается только узкожанровыми или формальными открытиями. В качестве примера художественной конфигурации Бадью приводит древнегреческую трагедию, которая начинается с события под именем «Эхил» и находит свое завершение в произведениях Еврипида. В литературе художественной конфигурацией может быть назван роман от Сервантеса до Джойса. Завершение художественной конфигурации, согласно Бадью, не означает ее конечности, т. к. любая конфигурация может найти свое продолжение в именовании нового события.

Задача философии состоит не в том, чтобы мыслить об искусстве (эстетика), т. к. искусство само является мыслью, которая себя мыслит. Философия, обусловленная искусством, может ответить на вопрос о том, какова современная ей конфигурация искусства, и предоставить концептуальное пространство для существования истин искусства с истинами других истинностных процедур.

Разговор о таком условии философии, как искусство, Бадью называет «инэстетикой», определяя «инэстетику» как такое отношение философии к искусству, при котором искусство не становится объектом для философии и рассматривается как производство истин. Философия, имеющая дело с истинами искусства, может только описывать влияние последних на философию.

Как отмечает современный французский философ Ж. Рансьер, инэстетика Бадью разделяет ряд основных положений модернизма, а именно: утверждение о том, что истины имманентны искусству, и проведение четкой границы между искусством и дискурсом об искусстве [12, с. 222]. При этом Бадью, в отличие от теоретиков модернизма, отказывается связывать специфику искусства с языком искусства. Для Бадью сущность искусства следует искать не в языке, а в том, что искусство производит истину, понятую в соответствии с математической онтологией самого Бадью.

Литература

1. Бадью А. Единое и множественное: условия аргюи всякой возможной онтологии // Философия и социальные науки. 2008. № 3. С. 4–9.
2. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2012.
3. Брэйссер Р. Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» Алена Бадью // Хора. 2008. № 1. С. 63–80.

4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Сер. : Памятники философской мысли. М. : Кантон + РООИ «Реабилитация», 2011.
5. Badiou A. *Abrégé de métapolitique*. Paris : Seuil, 1998.
6. Badiou A. *Being and Event*. L., N. Y.: Continuum, 2007.
7. Badiou A. *Handbook of inaesthetics*. Stanford : Stanford University Press, 2005.
8. Badiou A. *Logics of the worlds. Being and event 2* / translated by A. Toscano. L., N. Y.: Continuum, 2009.
9. Clemens J. Letters as the condition of conditions for Alain Badiou // *Communication and Cognition*. 2003. Vol. 36. Nr. 1 and 2. P. 73–102.
10. Lacoue-Labarthe Ph., Jean-Luc. N. *The literary absolute* / translated with an introduction and additional notes by Ph. Bernard and Ch. Lester. N. Y.: State University of New York Press, 1988.
11. Lecerle J.-J. *Badiou and Deleuze read literature*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010.
12. Rancière J. *Aesthetics, inaeesthetics, anti-aesthetics* // *Think again: Alain Badiou and the future of philosophy*, ed. by Peter Hallward. L., N. Y.: Continuum, 2004.

* * *

1. Badyu A. *Edinoe i mnozhestvennoe: usloviya apriori vsyakoy vozmozhnoy ontologii* // *Filosofiya i sotsialnyie nauki*. 2008. № 3. S. 4–9.
2. Badyu A. *Manifest filosofii*. SPb. : Machina, 2012.
3. Breysser R. *Prezentatsiya kak anti-fenomen v «Byitii i sobyitii»* Alena Badyu // *Hora*. 2008. № 1. S. 63–80.
4. Vitgensteyn L. *Logiko-filosofskiy traktat*. Ser. : Pamyatniki filosofskoy myisli. M. : Kanton ROOI «Reabilitatsiya», 2011.
5. Badiou A. *Abrégé de métapolitique*. Paris : Seuil, 1998.
6. Badiou A. *Being and Event*. L., N. Y.: Continuum, 2007.
7. Badiou A. *Handbook of inaeesthetics*. Stanford : Stanford University Press, 2005.
8. Badiou A. *Logics of the worlds. Being and event 2* / translated by A. Toscano. L., N. Y.: Continuum, 2009.
9. Clemens J. Letters as the condition of conditions for Alain Badiou // *Communication and Cognition*. 2003. Vol. 36. Nr. 1 and 2. P. 73–102.
10. Lacoue-Labarthe Ph., Jean-Luc. N. *The literary absolute* / translated with an introduction and additional notes by Ph. Bernard and Ch. Lester. N. Y.: State University of New York Press, 1988.
11. Lecerle J.-J. *Badiou and Deleuze read literature*. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010.
12. Rancière J. *Aesthetics, inaeesthetics, anti-aes-*

thetics // *Think again: Alain Badiou and the future of philosophy*, ed. by Peter Hallward. L., N. Y.: Continuum, 2004.

Inaesthetics of Alain Badiou: art (poem) as the condition of philosophy

There is characterized the correlation of art and truth in philosophy of Alain Badiou, who understands the philosophy as the discursive experience determined by non-philosophic truth that originate in science and art, and equates ontology to mathematics proving that the axiomatic language of mathematics is the discourse about existence.

Key words: *poem, matheme, ontology, language, inaeesthetics, truth.*

(Статья поступила в редакцию 30.05.2014)

О.В. БАЙДАЛОВА, А.Ю. БЕРЕЗОВАЯ
(Волгоград)

ФАМИЛИЗМ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЖИЗНИ СЕМЬИ

Рассматривается фамилизм как интегральное понятие. Сам термин употребляется для характеристики семейных систем ценностей, где наивысшее значение придается семье, детям. Описывается взаимосвязь социальных проблем, порожденных индустриальной цивилизацией, с кризисом института семьи. Приводится подробный анализ данных социологического опроса, который позволил определить и выявить существенные аспекты брака и семьи.

Ключевые слова: *фамилизм, семейные ценности, социальные ценности, жилищные программы, кризис института семьи.*

Любая область научного знания постоянно совершенствуется и развивает свой язык или понятийный аппарат. В рамках теории среднего уровня – социологии семьи – в последнее время появился также новый термин – *фамилистический*. Он произведен от латинского *familia* (семья) и является синонимом всего семейного. Фамилистикой иногда называют комплекс наук о семье. Термин *фамилизм*